

«ОН ВЕСЬ,
КАК БОЖИЯ ГРОЗА»:
ОБРАЗ ПЕТРА I
В РУССКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ
ЖУРНАЛИСТИКЕ

Под редакцией
О. С. Кругликовой

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2022

УДК 94(47).05
ББК 63.3(2)46
О 58

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-011-42018*

О 58 «Он весь, как божия гроза»: образ Петра I в русской дореволюционной журналистике / под ред. О. С. Кругликовой. – СПб.: Алетейя, 2022. – 562 с. : ил.

ISBN 978-5-00165-566-4

Коллективом авторов предпринята попытка комплексного анализа образа первого русского императора, который сложился на страницах русской дореволюционной журналистики. Соединяя академическое сообщество и массового читателя, журналистика всегда была основной средой формирования и закрепления исторической памяти. При этом фрагментарность изложения, стремление к упрощению, высокий полемический накал были естественны для журналистского текста, и породили противоречивые интерпретации государственной деятельности Петра I. Образ Петра I, став в XIX в. инструментом политической журнальной полемики и даже предметом карикатуры, приобретал все более символическое значение, порождая, наряду с глубокими оценками, множество публицистических клише. Изучению того, как формировалась в словесных и изобразительных жанрах дореволюционной журналистики историческая память о первом русском императоре, посвящена эта книга.

УДК 94(47).05
ББК 63.3(2)46

ISBN 978-5-00165-566-4

9 785001 655664

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© Коллектив авторов, 2022
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2022

Глава 1. Журналисты XIX в. о Петре I – от борьбы фантомов к нейтральной конвенции

1.1 Петровские «Ведомости» о деяниях Петра: император как автор своей легенды

Газета «Ведомости» неотделима от личности своего основателя, куратора, автора и редактора многих материалов, поэтому интерес представляет репрезентация в материалах «Ведомостей» самого Петра I: «Ведомости», будучи единственным периодическим изданием России своего времени, непосредственным образом участвовали в формировании не только облика Петра Великого, но и петровской легенды как мифологического нарратива о первом российском императоре, чей властный образ сочетал в себе три выделенных А. Ю. Дорским варианта¹: персону монарха в сакральном восприятии (в том числе в антихристианском), в личностном эйдосе власти и в роли непреходящего «народного лидера», любящего от души повеселиться и покутить. И. П. Лысакова справедливо отмечает, что на функционирование прессы в любое время определяющее значение оказывает текущее состояние политической конъюнктуры². При этом, особенно если перед нами серия публикаций о конкретной персоне, речь идет о формировании как образа, так и имиджа этой персоны³. В качестве ключевого аргумента приведем лишь тот факт, что Петр I является наиболее упоминаемым в «Ведомостях» человеком: по нашим подсчетам, с его именем связано не менее 155 текстов различного объема – от кратких заметок до объемной реляции после победы под Полтавой.

¹ Дорский А. Ю. Эстетика власти. СПб., 2013. С. 13–15.

² Лысакова И. П. Язык газеты и типология прессы. Социолингвистическое исследование. СПб., 2005. С. 226.

³ Зеленина Е. В. «Портрет героя»: ценностно-смысловые и творческие аспекты // Вопросы теории и практики журналистики. 2014. № 2. С. 33–52.

Именно поэтому важным представляется исследование не только воспоминаний и переписки современников (в том числе иностранцев), придворных слухов и сплетен, умонастроения простого народа, но и представления Петровской эпохи в официальной прессе того времени. Исторические материалы предстают перед нами в виде информации, перешедшей в из сферы актуального в сферу когнитивного¹: утратив ситуативность текущего момента, они сохраняют сведения о делах давно минувших лет и предстают ценным источником для наблюдений историко-стилистического характера, позволяющих увидеть, как соприкасаются с дискурсом личности российского самодержца дискурсы его сподвижников, родственников, союзников и соперников (вплоть до отсутствия упоминаний, то есть выпадения из официального информационного поля). Газета демонстрирует представление современных ей событий и связанных с ними исторических личностей², обнаруживая текстообразующее сочетание информативной и творческой памяти³. Это соотносится с наблюдением Н. М. Карамзина о трех родах истории (создаваемой современниками, основанной на свежих преданиях и извлекаемой из памятников)⁴. Т. С. Макарова справедливо определяет принцип историзма, заключающийся в интерпретации речемыслительной деятельности при описании наиболее значительных общественно-политических событий определенной исторической эпохи, как главный принцип диахронического анализа политического дискурса⁵.

¹ *Коньков В. И.* Утилитарность как базовое свойство медиатекста // *Медиалингвистика*. СПб., 2015. Вып. IV. С. 174–177; *Коньков В. И.* Публицистичность, медийность, публицистический стиль // *Актуальные проблемы стилистики*. 2020. № 6. С. 50–57.

² *Мальшев А. А.* Речевая репрезентация человека в новостной журналистике XVIII века как историко-стилистическая проблема // *Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации*. Гродно, 2020. Ч. 2. С. 169–175.

³ *Лотман Ю. М.* Память в культурологическом освещении // *Лотман Ю. М.* Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 200–202.

⁴ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. I–VI. М., 2002. С. 8–9.

⁵ *Макарова Т. С.* Проблема интерпретации исторического политического дискурса // *Политическая лингвистика*. 2018. № 3 (69). С. 114–121.

Номинации Петра I в «Ведомостях»

В ряде случаев обозначение Петра определенно выступает в роли эмотива¹: с одной стороны, в оригинальных текстах «Ведомостей» Петр представляет сам себя в ключевых материалах или же его представляет редакция газеты, с другой же стороны, значительная часть заметок представляет собой перевод новостей из европейских газет или известий из городов, оказавшихся в зоне военных действий, поэтому в таких случаях Петр представляется «со стороны», взгляд на него направлен извне: «<новость из Риги> Мы ведомость имеем, что Царь Московский некую часть своя алтилерии, на езере Ладожском на корабли поставить велел, из чего мы разсуждаем: что он на Кексголм... нападение учинит»², «Чрез Кролевец пишут, что Царь Московский со вспомогательными войски в войску в Ижерскую землю пришел» (15 янв. 1703); «Из Полши пишут, что Московский Царь [понеже Речь Посполитая от его стороны статьи присланные о союзе, как бы казаков прогнать и им противитися не приняли] уклонился тех казаков» (11 марта 1703) и мн. др.

Если обратиться непосредственно к номинациям Петра, то можно отметить, что речь нередко идет о содержащих большее или меньшее количество слов номинациях правящей особы, не нуждающейся в дополнительном представлении как для иностранцев, так и тем более для российских читателей.

Номинации Петра I можно разделить на следующие группы (в скобках указывается количество обнаруженных случаев):

1) номинации с опорным словом «царь»: Царь Московский (7), Царь (5);

2) номинации с опорным словом «государь»: Великий Государь (5), Московский Государь (1), Державнейший наш Государь (1), Великий Государь наш (1), Благодетивейший наш Государь (1);

¹ Сурпун В. И. Имя собственное как эмотивный феномен // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2019. № 1 (134). С. 199–204.

² Здесь и далее цитаты из «Ведомостей» приводятся в упрощенной орфографии с сохранением правописания оригинала и указанием на дату опубликования материала.

3) номинации с опорным словом «величество»: Его Царское Величество (106), Его Величество (9), Царское Величество (9), Царское Величество Российский (1), Его Царское Величество Всероссийский (1), Царское Пресветлое Величество (1), Его Царское Пресветлое Величество (1), Царское Величество Московский (1);

4) номинация с опорным словом «монарх»: Наш Монарх Всероссийский (1);

5) номинации с упоминанием императорского титула (с 1722 г.): Его Императорское Величество (4), Император Государь (2), Император Всероссийский (2), Императорское Величество Российский (1), Император Российский (1), Российский Император (1), Его Величество Высокославноя памяти Государь Император (1), Его приснопоминаемое Императорское Величество (1).

Особого внимания в этой группе заслуживает номинация «Его Императорское Величество Всероссийский» (18 янв. 1722) – это первое в «Ведомостях» наименование Петра императором. Отметим акцентирование притязаний Петра и его сподвижников на признание императорского статуса, о чем сообщают и заметки «Ведомостей»: <магистрат Гамбурга> определил признать Царя Государя Его за Императора Великой и малой россии и уже велено авторам публичных ведомостей, которые здесь печатают, чтоб они ему оное титуло давали в своих писмах (март 1722); <Бестужев требовал у шведов> дабы дали Царю Государю, Его Титуло Императорское (март 1722). Любопытно, что в новости «Получена от Его Цесарского Величества Римского, к Его Царскому Величеству Всероссийскому грамота» (7 марта 1720) – в каждом титуле по четыре составных, что дополняет синтаксический и семантический («цесарский») параллелизм номинаций.

6) номинации с сочетанием опорных слов: Великий Государь наш, Его Царское Величество (2), Царь Государь (2), Великий Государь, Его Царское Пресветлое Величество (1), Пресветлейший и Державнейший Царь, Всемилостивейший Государь (1), Всемилостивейший наш Царь и Государь (1), Всемилостивейший наш Государь Его Царское Величество (1);

7) номинации с упоминанием значимый элементов имени царя: «действие тезоименитства Монарха нашего Всероссийского Петра Перваго» (1 июля 1719) – Петр впервые назван по номерному титульному имени; «Великий Государь Царь и Великий Князь ПЕТР Алексеевич» – Петр впервые назван по отчеству (12 сент. 1721);

8) номинации комплиментарно-возвеличивающего характера, в том числе посмертно: многосоставная номинация «Наш Монарх Всероссийский... Сам и Царь, и Вождь, и Генерал. Сам и воин, и Салдат» (1 июля 1719); Всемиловитейший наш ИМПЕРАТОР ОТЕЦ ОТЕЧЕСТВА (18 янв. 1722); первый Фундатор Академии Российской (5 янв. 1726); Петр Великий, Первый и Император Российский... Суверен, или Самодержавец (19 февр. 1726).

Для сравнения добавим несколько слов о речевом представлении в газете питавшего слабость к прославлению своей персоны ближайшего сподвижника российского монарха¹. Принципы обозначения А. Д. Меншикова в «Ведомостях» содержательно принципиально отличаются от номинаций Петра I: для «полудержавного властелина» каждая номинация становится набором смысловых блоков (слов или словосочетаний), варьирующихся от года к году в зависимости как от статуса Меншикова в целом, так и от его «роли» в конкретных инфоповодах (во время военных действий особый вес приобретают звания, в мирное время – титулы). Более того, в ряде случаев как по количеству номинаций, так и по удельному весу их пышности Петр уступает Меншикову: в качестве наиболее показательного примера приведем цитату от 17 июня 1713 г.: «Его Царское Величество высокою своею персоною возвращение свое из Голштинии к государству своему воспринимал, тогда ради окончания действ в Голштинии с войсками российскими, генерала фелт маршала его светлость князя Меншикова оставить изволил» – номинация Петра состоит из трех слов, тог-

¹ Подробнее см.: *Мальшев А. А.* Грамматика имени собственного в петровских «Ведомостях»: державный и полудержавный властелины // *Медиалингвистика*. СПб., 2021. Вып. 8. С. 54–58.

да как номинация Меншикова – из семи, включая фамилию. Особняком стоит пышная номинация из указа Римского Папы о пожаловании силезского княжества «Светлейшему Герцогу Генералиссимусу, Рейхс Маршалу, и многих Ординов Кавалеру Князю Александру Даниловичю Меншикову» (17 июля 1727).

Учитывая ядерное положение антропонимов в системе ономастики¹ и их особую ролевую функцию в информационном поле любого издания², можно констатировать, что на этапе становления российской журналистики перед нами ситуация, которая для Петра I может быть обозначена как номинативная парадигма³ или, по М. Э. Рут, как система «антропонимических дублетов»⁴.

Образ Петра в текстах «Ведомостей»

Анализ материалов позволяет выделить различные составные части общего облика российского монарха. Оговоримся, что в данном случае мы рассматриваем лишь материалы газеты, что, конечно, ограничивает интерпретационный потенциал текстов, но в то же время позволяет воспринимать «Ведомости» как хранилище официальной исторической памяти.

1) Царь-полководец.

Новости подобного содержания, что вполне ожидаемо, составляют практически абсолютное большинство упоминаний Петра во время событий Северной войны.

¹ *Супрун В. И.* Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: дисс. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2000. С. 6.

² *Гридина Т. А., Коновалова Н. И.* Псевдоним как форма самопрезентации журналиста в российской региональной газетной прессе конца XIX – начала XX вв. // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. Вып. 2. С. 126–142.

³ *Гусева С. С.* Номинативная парадигма единиц, обозначающих лица, и ее функционирование в тексте (на примере текстов А. П. Чехова): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2017. С. 17–24.

⁴ *Рут М. Э.* Антропонимы: размышления о семантике // Известия Уральского гос. ун-та. 2001. № 20. С. 62.

Информирование о походах Петра связано с проявлениями локативности – направлениями движений его войск: «Царь Московский со вспомогательными войсками в войску в Ижерскую землю пришел» (15 янв. 1703); <после взятия Шлиссельбурга> «Его Царское Величество с его главным войском паки назад к Нову городу пошел» (9 февр. 1703); «Царское Величество не токмо Огинскому силы в споможение пошлет, но велми готовится и Финландскую землю воевать» (4 марта 1703); «Царское Величество Российский собирает множество запаса, живностей, и пушечнаго снаряда, в Гдове, а на весну намерен усилно Нарву добывать» (15 мая 1703); «Его Царское Величество, необыкновенное великое изготовление чинит к воинскому походу, и знатным войском идет к Лифляндии... и болше намерение его есть на Новый шанец, и по взятии того к Восточному морю, дабы из Восточной Индии торговлю чрез свою землю установить» (8 июня 1703); «Его Царское Величество грозит город Ревель [Кольвань] осадить» (20 сент. 1704); «Его Царское Величество намерилсЯ послать одну часть войска своего в Ливонию под Пернаву, другую часть под Ригу, третью в Литву» (11 нояб. 1704) и т.д.

Подобные тексты не только фиксируют разнонаправленность действий российского самодержца, но и в некоторых случаях раскрывают его военные планы – несомненно, сознательно, поскольку часть целей была вполне понятна изначально, а обозначение намерений атаковать Ригу, Ревель, Нарву и другие города и подчинить финские земли должно было посеять страх в сердцах вражеских гарнизонов, заставив их напряженно ожидать наступление российских войск. Даже в тех случаях, когда новости о перемещениях российской армии были переводными, сам факт их появления в «Ведомостях» становился подтверждением высказанных в них предположений о следующем направлении удара, своеобразно переключаясь со знаменитым «Иду на вы!» князя Святослава.

Часть связанных с Петром военных новостей сообщает о финансовых планах царя или о его военной силе: квантитативность доказывает серьезность намерений идти в войне до победы, каковое намерение подкрепляется экономической

и военной мощью (даже если эти количественные показатели преувеличены): «Его Царское Величество пять миллионов ефимков дать обещал, чтоб крепость Новый Шанец из основания сильнее и крепче построить» (26 июля 1703); «Его Царское Величество стоит у Шлотбурга, с ним с сорок тысяч человек, и со многими пушками. Сверх того, дватцать два фрегата, и при них тысяща судов, и многие великие поромы с пушками уготовлены» (11 сент. 1703); «Его Царское Величество пехоту у себя имеет, состоящую в тридцати тысячах человек, и сто великих пушек» (30 сент. 1705) и др.

Активность действий, сила и победная поступь российского войска вызывает ужас у неприятеля – не только турки и шведы, но и сам Карл XII приходит в трепет при появлении петровских солдат: «По указу Царскаго Величества, сиятельнейший князь Его милость господин Меншиков ходил с кавалериею к Полонному... Король Свейской будучи в Дубне, как услышал о приходе Сиятельнейшаго князя. И так скоро затревожась побежал, что все тяжести бросал <и даже зарыл в землю 28 пушек, но их нашли>» (20 авг. 1706).

Особенно подчеркивается божественное споспешествование, приносящее удачу и победы: «Нынешняго августа в 9 день, славный и крепкий город Нарва [Ругодев] с Божиею помощию воинством благочестивейшаго нашего Государя взят в три четверти часа приступом» (22 авг. 1704); «<полковник Шульц поздравляет Меншикова с победой> которая при начатии сего воинскаго похода за Божиею помощию, Всемилостивейшаго нашего Царя и Государя» (4 мая 1707); «По двучасном многом огне, милостию Божиею, и Его Царскаго Величества счастием, Переволочинской замок взяли» (18 мая 1709); «Помощию Божиею чрез счастливое оружие Всемилостивейшаго нашего Государя Его Царскаго Величества <взята крепость Новосергеевская>» (4 мая 1711) и др. – при всей традиционности подобных примеров, которые нередко могут быть похожи на неприкрытую лесть в адрес государя, проявление божественной поддержки демонстрирует правильность действий царя, которому Всевышний дарует заступничество и победы.

Отметим, что в реляциях с места событий приводятся подробные сведения о потерях противника, но практически отсутствуют данные о потерях с российской стороны, что в данном контексте создает образ буквально непобедимой армии. Определенный контраст при критическом рассмотрении материалов составляет и демонстрация насилия со стороны войск Петра: «По указу Его Царского Величества отправлен был из Финляндии, от корпуса Генерала Князя Голицына с галерною эскадрою... в 5000 салдат, да в 370 нерегулярной конницы, для поиску неприятеля, и для разорения их жилищ» (23 июня 1721), далее в тексте сказано, что отряды Голицына пожгли более 500 деревень, в которых было более 4100 домов – подобные действия в отношении мирного населения также нередко осуществлялись с Божьей помощью, однако, насколько мы можем судить, это не вызывало диссонанс в редакторском сознании Петра¹.

Логичным итогом победного шествия российской армии становилось пышное отмечание военных успехов, в котором принимал участие и главнокомандующий, который ввел в России как традицию устроения триумфальный торжеств, так и особую эмблематику, сопровождавшую их: «Его Царское Пресветлое Величество по разных на сухом пути и на море победах над шведы, и по взятии крепостей Шлотбурга Ямбурга и Капорья, возвратился к Москве, и в пришествии Его Царского Величества великий был на Москве триумф, и устроены были тои врата триумфальные со многим украшением» (16 нояб. 1703); «Великий Государь, Его Царское Пресветлое Величество, по взятии крепких городов Нарвы, Ивана, и Дерпта, а на море и на поле по славных победах... возвратился к Москве с великим триумфом... А ко пришествию Его Царского Пресветлаго Величества, устроены были седмеры врата триумфальные, различными историями, символы и емблематы украшены» (2 янв. 1705); «Июня 27 дня Его Царское Величество изволил сеи день

¹ Подробнее об этом см.: *Мальшев А. А.* Типология и стилистика насилия в петровских «Ведомостях» (1702–1727) // *Вся ненависть мира: насилие в литературе и искусстве.* СПб., М., 2021. С. 165–174.

торжествовать, во память славной под Полтавою над Шведским Королем Каролусом вторым надесять, полученной виктории <далее следует описание церемонии>» (29 июня 1720).

Впрочем, помимо непреклонной воли к победе над врагами, Петр проявляет милосердие в отношении простых солдат и горожан (аналогично в текстах «Ведомостей» мог поступать и Карл XII): «Царь некоторых <финских> полонеников назад отслал» (15 янв. 1703); «<новость из Ревеля> Еще неприятель нас пощадил, а Царь оставя во осаде в Орешке 2000 человек, пошел к Нову городу» (9 февр. 1703); «Его Царское Величество отпустя ратных людей осадных из Орешка зело милосердно жаловал» (19 февр. 1703); «после сражения в устье Невы» «Царское Величество зело похвалил их <шведов> мужество» (26 июля 1703); «В Дерпте городе Его Царскому Величеству тамошние жители присягу учинили, и коемуждо пожаловал по стокану ренскаго, а у уездных салдат ружье отнято, и отпущены в дома» (2 окт. 1704) и др. – так формировался образ победителя, готового проливать кровь только на поле битвы, а после сражения великодушного и не желающего продолжать насилие (особенно трогательно выглядит пожалование недавнему противнику рейнского вина).

Более того, Петр готов не просто простить побежденного врага, но и принять меры по его защите и устройению дальнейшей мирной жизни на покроенных землях: «Царь чрез писма везде разгласити велел... что все безчинства против указу Его учинены, и что Он их, есть ли они похотят в Его защищение принять изволит, и от всех податей, и налог свободит» (15 янв. 1703); «В крепость Шлотбург, чрез Его Царскаго Величества милостивую поволность, и угоднаго ради пристанища, жители многие пришли, которым для двороваго строения подобающее споможение учинено будет, а ограждение велми крепко, и оборонно построено, понеже Его Царское Величество трудов, и проторей к тому не пощадил» (11 окт. 1703).

Отдельное место занимают упоминания Петра как успешного флотоводца: «Его Царское величество войска свои в различных кораблях на Белое море запровадил» (2 янв. 1703);

«Царь Московский некую часть своея артиллерии, на озере Ладожском на корабли поставить велел» (15 янв. 1703); «С Москвы пишут, что Его Царское Величество к Санктпетербурху крепости пошел, и все готовые корабли туды же будут, чтобы вкупе в Восточное море пойти» (13 июня 1704); «Его Царское Величество, настоящего лета караваном в дватцати воинских караблях и в десяти зажигателных, хоцет на море идти» (13 июня 1704); «У Короля Полскаго великий банкет был, о той победе которую Его Царское Величество на Чуцком озере одержал над свейским карабелным караваном, и из пушек от той радости зальфом стреляли» (22 авг. 1704) – данные примеры содержательно совпадают с приведенными ранее (направление движения судов, их оснащение, приведение количественных данных для демонстрации увеличения морской силы России), однако они относятся к раннему этапу Северной войны, когда Россия только укреплялась на море.

После серии успешных действий балтийского флота и особенно после Гангутского сражения (1714 г.) тональность становится все более торжественной, достигая высшей точки в тексте от 3 сентября 1716 г.: «Его Царское Величество... на своем карабле Ингермоландии, указал поднять стандарт на грот штенге... дал лозунг к поднятию якоря... и десант учинен будет, которому Его Царское Величество Сам паки сюда быть изволил... Такои чести ни которыи Монарх от начала свету не имел, что Его Величество изволит ныне командовать четырех Государств флотами. А имянно: Росийским, Аглинским, Дацким, и Галланским» – представление Петра как величайшего морского монарха современности при всех способствовавших этому объективных внешних факторах носило отчетливый имиджевый характер, особенно с точки зрения признания превосходства России со стороны таких исторически морских держав, как Англия и Голландия.

Даже вполне рутинный с определенного момента спуск на воду очередного корабля представлен как праздник, которому Петр, самозабвенно любивший море, искренне отдается: «Июня 5 дня в день Святыя Троицы в 4 часу по полудни спу-

щен на воду карась о 90 пушках... при котором спуске присутствовали Его Царское Величество, и ея Величество Государиня Царица... и по спуске которой зело изрядно и скоро учинился, изволили их Величества быть на том карабле... и были изрядная музыка, и танцы в каюте того карабля, и отправлялось то веселье до 2 часов пополуночи» (10 июня 1720).

Наконец, заслуживает внимания цикл материалов, опубликованный в «Ведомостях» после Полтавской битвы. Кроме огромной 16-страничной росписи шведов, взятых в плен под Полтавой (июль 1709), перед нами два письма Петра к царевичу Алексею с подробным рассказом о ходе сражения (2 июля 1709) и последующих событиях, связанных с преследованием обратившегося в бегство противника (15 июля 1709). Непосредственный же интерес представляет репрезентация Петра в тексте от 1 июля 1719 г.: «Наш Монарх Всероссийский, иначе сам в полках, сам полки устроит, сам в сражениях, сам в баталиях, Сам и Царь, и Вождь, и Генерал. Сам и воин, и Салдат, свидетельствует сама шляпа на Полтавской баталии пулею прострелена, и аки бы отверстыми устами гласит его мужество, и прочая, и прочая» – анафорический повтор местоименного наречия «сам» усиливает значимость личности царя, концентрирующего в себе самостоятельность, прозорливого и не боящегося принимать решения, а также демонстрирует многофункциональность Петра, могущего одновременно быть и командующим, и солдатом; признаком же проявления исключительного для монарха личного мужества служит знаменитая пробитая пулей шляпа¹.

¹ Ср. у Феофана Прокоповича: «...на баталии Полтавской, где так далеко смерть о него была, как далеко шляпа от головы» (Феофан Прокопович. Сочинения. М.-Л., 1961. С. 144).

У Стефана Яворского шляпа персонифицируется, оратор обращается к ней как к живому существу, в другом случае она говорит сама: «Дай нам твою шляпу, на главе твоей пулею простреленную; а мы ее тысячным лобзанием уцелуем, окладим всяким камением дражайшим, многоценным, сделаем на то кивот златокованный, поставим ю выше царской твоей диадимы. О шляпо, пулею пронзенна! Шляпо, храбрости знамение, паче царския диадимы дражайша! О главо, рукою Христоваго осеняема! <...> Мы

2) Царь-политик.

Ряд материалов связан с внешнеполитической деятельностью Петра, направленной как на соседние страны, как и на дальнее зарубежье («Индийский царь послал в дарах великому Государю нашему слона и иных вещей не мало». 2 янв. 1703 г.). Часть примеров показывает действия, направленные на предупреждение конфликтов:

«Его Царское Величество к Волоскому и Молдавскому господарем писать указал, есть ли они хотят с ним Великим Государем в дружбе пребывати, Короля Свейскаго чрез свою землю не пропускать бы» (25 февр. 1710) – модальность предостережения;

«Турецкий Салтан хочет, чтоб Его Царское Величество близ Чернаго моря построенные крепости разорить велел, или бы ему Салтану уступил... А его Царское Величество такой ответ дал ему, что он такие замки и крепости на пустом месте ни под чьим владением построить велел» (13 июня 1704) – в данном случае Россия ведет переговоры с точки зрения уверенности в своих силах;

«Мир заключится между Его Царским Величеством и Королевою Шведскою (31 июля 1719)», «Его Царское Величество своими умеренными поступками довольно явно показывает свою добрую и истинную склонность к дружбе с Королевою <швед-

же, Монархо наш прехрабрый, смотряще на простреленную твою шляпу, ужасаемся и плачем и радуемся, – ужасаемся, яко толь близким смерти был еси, – плачем, яко не щадиши главы своея за целость своих подданных, – радуемся и благодарим Христа Бога нашего яко рукою своею сохранил ты невредима. О всесильная десница Христова, Петрови простираемая!», а также «Паче тысячи свидетелей ставлю вам пред очи едину простреленную на главе его шляпу. Сия достоверным есть свидетелем любви его к нам пребезмерныя: не имеет уст сие главное покрывало, но дирию простреленую, аки отверстыми устами гласит к нам: “Сей есть истинный любитель ваш, иже мя на главе своей носит. Сей на пули и на тысящныя смерти за целость вашу с охотою идяше. Сия дира, юже во мне видите, в главе его хотяше быши; но рука Христова, Петру простираемая, главу его защитила, а пулю на мене обратила, в память незабвенную любви его, яже к вам. Познайте убо любовь и возлюбите любящаго вас”» (*Яворский Стефан. Сочинения. Саратов, 2014. С. 493*).

ской» (10 авг. 1719) – эти примеры показывают готовность Петра вести переговоры с новым правителем Швеции в дружеском ключе.

Как и в случае с пленными солдатами и простыми людьми, Петр готов взять под защиту и более слабые народы: «Хибинский Хан прислал к Великому Государю посла своего с прошением, что б Великий Государь поволит его Хана со всеми сущими под его владением принять под свою Царскую Высокодержавную руку в вечное подданство, о чем Державнейший наш Государь милостиво соизволил, и посылает к нему Хибинскому Хану посла своего» (5 апр. 1703); «Юргенской и Хивинской нынешний Шанбадур Хан, прислал к Великому государю посла своего, чтоб ему быть у Его Царского Величества в подданстве, и Великий Государь в подданстве ему быть указал, и ныне для подлинного уверения присланы от него Хивинского Хана, и от Бухарского Хана послы, и в Астарахань (sic!) приняты» (18 марта 1704).

Встречаются и материалы, связанные с союзнической и миротворческой международной деятельностью Петра: «Разговор был с московским послом, и просили его велми чтоб Царь войско послал на Украину для усмирения казаков, и то он совершить обещал, буде Речь Посполитая с его великим Государем в союз вступит» (19 февр. 1703); «Его Царское Величество в Польшу великую денежную казну послал, чтоб тою войне поляков против шведа содержать» (15 мая 1703); «Розные польские велможи, Его Царское Величество поздравляли, и Его Царское Величество изволил им сказать, что он в Польшу пришел право и поволность их неразрушить, но сохранить» (14 сент. 1705); «Волохи без сомнения Его Царского Величества к стороне пристають» (28 июля 1711) – в случае с Польшей, по которой, как по своему двору, свободно перемещались шведские войска, обещание помощи было связано с желанием не только изгнать армию Карла XII, но и установить на ее территории пророссийское правление¹.

¹ Мальшев А. А. Август II Сильный и Станислав Лещинский: речевая репрезентация польских королей в газете «Ведомости» (1702–1727) // Политическая лингвистика. 2022. № 6 (96). (в печати).

3) Царь-труженик.

Третье место по количеству цитат занимают упоминания деятельности Петра, связанной с внутренним укреплением России, и конкретных действий монарха, свидетельствующих о его всесторонней осведомленности и умении принимать личное участие в обустройстве государства: «Прешедшаго 1705 году, по указу Царскаго Величества, в Новгородском уезде, начато шлейзное дело <которое завершилось, и по каналу прошли 672 судна с грузами>» (30 окт. 1706); «Его Царское Величество недалече от Шлотбурга при море город и крепость строить велел» (24 авг. 1703); «По повелению Его Царскаго Величества, на Вышнем Волочке зделана перекопь ради судоваго хождения» (16 сент. 1708).

В одном из материалов отмечены инженерные способности российского государя: <испробован механизм для транспортировки построенной яхты, с помощью которого восемь человек способны выполнить работу пятисот> «Сия инвенция сочинена чрез собственной Его Царскаго Величества труд» (16 сент. 1719) – на фоне европейских монархов, проводящих дни в праздности, изобретение Петра должно было заставить читателя вновь восхититься его разнообразными талантами.

Выступал Петр и в роли проверяющего, в заключительный период Северной войны не наслаждавшегося близившимся миром, но лично оценивавшего качество проводимых работ: «Его Царское Величество изволил с буюерным рекреации флотилем с Министры своими поход иметь на море... с темже флотилем пошел в Шлюсенбурх... а оттуду поидет в Ладогу смотреть работы тамошняго канала» (15 окт. 1719); «Его Царское Величество изволил пойти в Кроншлот, для осмотра тамошняго строения и иных мест» (24 мая 1720). Даже в послевоенное время Петр продолжает неустанно трудиться, что вызывает восторг у всех, кто видит его активность: «И тако Всемилостивейшии наш ИМПЕРАТОР ОТЕЦ ОТЕЧЕСТВА, благоволил препроводить в трудех день сеи, с несказанным подданных своих веселием» (18 янв. 1722).

Единственным упоминанием просветительской деятельности Петра, связанной с именем государя, является общеизвест-

ная цитата о московских школах, ученики которых слушают философию и диалектику, и об учреждении штурманской школы (2 янв. 1703). Без упоминания царя к этой новости примыкает сообщение «Московские молодые господа здесь <в Берлине> несколько лет в науках живущие, а паче что огненному мастерству выучились совершенно» (8 июня 1703) – представляется, что в «Ведомостях» этим информирование о распространении в России наук и ограничивается.

4) Царь-человек, царь-семьянин.

Помимо прочего, на страницах «Ведомостей» Петр может быть представлен и как носитель человеческого начала. Человечность эта двунаправлена: с одной стороны, Петр отмечает день рождения, с другой – его день рождения становится важным государственным событием; с одной стороны, Екатерина Алексеевна – его жена, с другой – верная спутница и опора в государственных делах (а затем и преемница на престоле, об этом см. ниже) и т.п.: «В 30 день маиа, был день рождения Его Царскаго Величества, но во оной токмо отправлена Божественная служба, и воздавано Богу благодарение, а церемониалнаго стола небыло» (24 июня 1707); «День ангела Его Государскаго святых верховных Петра и Павла, отправлен при Люблине со мною изрядною помпою» (17 июля 1707); «Преславное действие тезоименитства Монарха нашего Всероссийского Петра Перваго» (1 июля 1719); «Маия 30 дня, Его Царское Величество день рождения своего изволил торжествовать здесь» (10 июня 1720); «Его Величество и Государоня Царица, по прошению его светлости Князя Меншикова, со всеми министры изволил трактир иметь у его Светлости в доме на Васильевском острову» (30 авг. 1719); «Его Царское Величество изволил... поехать на Олонец к Марциальным водам. А сего марта в 2 день и Государоня Царица Екатерина Алексиевна туды же путь свои воспрियाь изволила» (12 марта 1720); «Маиа 8 дня... после обеда, изволил Его Величество гулять по Неве реке, и по протокам оная на барже болшой... и по том изволила Ее Величество, Государоня Царица тутже прибыть на барже с знатными дамами» (11 мая 1720) и др.

Жизнь и здоровье Петра также оказываются на границе между мирским и священным: если «зачать изволил Его Величество оныя <марциальные воды> употреблять в пользу своего высокого здравия с счастливым сукцессом» (19 марта 1720) – это проявление мирского, поскольку минеральная вода помогла здоровью Петра как человека, то «Его Царское Величество, не токмо союз с смертным человеком Королем Августом, но и с Речью Посполитою которая не умрет, учинит, и во имя Его Царского Величества помощь, и войско против шведов обещает» (8 февр. 1707) – здесь перед нами отчетливо заданная тема бессмертия Петра как исторической фигуры¹ (обратим внимание на семантически антонимичную «смертный Август – бессмертная Речь Посполитая» и отсутствие таковой в случае Петра и России).

В 1720 г. читатели «Ведомостей» могли несколько раз прочитать краткое описание дня своего государя, например: «Сего Маиа 15 дня, Его Царское Величество высокою особою своею, пред Обеднею для некоторых дел и советов, изволил присутствовать в Апартаменте Сенатского собрания... а по отправлении тех дел, изволил поитить в Церковь и слушал Литоргию <потом обедал у Шафирова, а после обеда> изволил гулять по Неве реке на яхтах торншоитах и буерах парусами, даже до самого вечера, и при том же изволила и Ее Величество Государоня Царица, с своими придворными дамами выехать, и гулять на своем Торншоте» (19 мая 1720), а в июне 1720 г. был напечатан

¹ Ср. у Гавриила Бужинского в «Слове в день годишного поминования во блаженной памяти преставльшагося благочестивейшаго Государя Петра Великаго» 1726 г.: «Петр Великий не умре, но жив есть; отдаде долг естественный первой смерти, но избеже вторья; предлежит в сем гробе телом, но живет Богови, живет богохранимой своей фамилии, живет любимому своему отечеству, и яко в житии своем плотском научаете, тако и в нынешнем духовном наставляет, да последуем стопам его. Он живет по смерти первой, а нас, мертвых второю смертию, обстоящих гроб его, наказует, да от сея смерти воскресите, поживем Богови и живот, якоже он, вечный наследим. Вем, яко ругахуса Иисусови, егда на умершую девицу архисинагогову рече: “Не умре девица, но спит”; сие же о животе Петра Великаго слово да будет нам в наставление!» (Петр I в русской литературе XVIII века. СПб., 2006. С. 114).

цикл новостей о поездке монаршей четы и некоторых членов «высокой фамилии» в Кроншлот, Ораниенбаум, Петергоф и их возвращение в Петербург – подобное соответствовало публиковавшимся в те же годы хроникам жизни европейских королей и европеизировало образ будущего императора, делая его ближе к аудитории газеты.

Посмертные упоминания

После 1722 г. и до смерти Петра мы встречаем единственное упоминание императора в 1723 г.: «К Его Императорскому Величеству писал из Баки господин генерал маэор Матюшкин <что вместе с майором Нечаевым принудил бакинцев пустить российские войска в город>» (9 сент. 1723).

Дальнейшие упоминания связаны уже с данью памяти ушедшему из жизни монарху со стороны европейских стран и проникнуты траурной тональностью (отметим, что в отношении скончавшихся европейских правителей «Ведомости» не выражали сочувствия, в лучшем случае просто констатируя факт смерти – так, о кончине Карла XII не было сказано ни слова): <из Берлина> «Двор наш взял Траур на три месяца по Императоре Россииском, и велено всем Коллегиям тожде учинить» (24 марта 1725); <из Копенгагена> «Россииской резидент, нотификовал при дворе с обыкновенными церемониями, о смерти Императора своего Государя, над что двор вскоре возьмет траур» (10 апр. 1725); «Король объявил недавно сенату намерение, которое он имеет что весь Шведской двор вскоре возмет траур, о смерти Россиискаго Императора, о которой объявил ему господин Безстужев Россииский Министр» (28 апр. 1725); «Князь Куракин Посол Россииской, облачен долгою печальною мантиею, был на аудиенции у его Величества нашего Суверена <французского>... которому он нотификовал о смерти Императора своего Государя, и о достижении Императрицы его вдовы на самодержавстве Россиискаго Империиум, над что его Христианнейшее Величество, резолвовался взять траур на шесть недель для оно смерти» (5 мая 1725).

Реакция российского общества на смерть Петра была представлена в «Ведомостях» скупой как количественно, так и содер­жательно: весть о кончине императора и без того облетела страну, давать же зарубежной аудитории пищу для размышлений на основании публикаций в официальной прессе также могло показаться излишним, поэтому на первый план выходило уведомление о том, что в целом страна продолжает жить, а перемены в жизни некоторых представителей общества являются частными случаями: «Из САНКТПЕТЕРБУРГА ни о чем, кроме что о добрых и благополучных временах слышно, и что все в благожелаемом мире обретается. Герцога Голштейнского, и Россииской Цесаревны брак за великою печалью, может на некоторое время отложен быть» (17 марта 1725) – это первая публикация после смерти Петра, в которой говорится о «великой печали» – несомненно, прекрасной известной каждому читателю.

Дальнейшие немногочисленные заметки представляют собой хронику придворной жизни, практически нейтрально и формульно сообщая о связанных с памятью Петра событиях: <римский посол Гох Голцер> «имел у Ея Императорскаго Величества в летнем дворе приватную Аудиенцию, и подал Ея Императорскому Величеству от высокопомянутаго своего Государя ответную граммату сожалетелную, о преставлении высокославныя и вечнодостоинныя памяти Его Императорскаго Величества» (6 нояб. 1725); «27 числа <декабря> поутру от 9 до 11 часа было, первое Генералное собрание в новоучрежденной здесь Академии, где по Академическому обыкновению от профессоров, отправлено было слово, в похвалу Его Императорскаго Величества высокоблаженныя и вечнодостоинныя памяти, яко перваго Фундатора Академии Россииской, також и Ея Императорскаго Величества благополучно Государствующей Самодержицы, яко покровителницы той Академии» (5 янв. 1726); <10 марта> «от Духовных особ над гробом Его Императорскаго Величества высокоблаженныя и вечнодостоинныя памяти, отправлено с обыкновенною церковною церемеониєю великая Панахида, на память для славнаго погребения Его приснопо-

минаемого Императорского Величества... все здешние были в глубоком трауре» (18 марта 1726).

На этом фоне достаточно эмоциональной выглядит «рефлексия» из Утрехта, насыщенная лексикой, передающей семантику жизни и смерти, и отмечающая стабильность дальнейшего существования России без значительных потрясений (что также было связано с прозорливостью Петра): «Между пренами можно первую почесть, случившуюся прему делу, смерти Петра Великого, Перваго и Императора Россииского. С начала сумневались о смерти сего Монарха, яко бы ему не надлежало сеи регуле подвержену быть. Правда, что ежелиб бессмертие предоставлено было на сеи земле, тоб надлежало предоставлено быть таковым чрезвычайным людем, которых превосходящее достоинство превозносит свыше обыкновенных людеи. Но вскоре по том о смерти его более не имели сумнения, и розговаривали о том различно, по состоянию интереса, каковой кто в том имел, чаяли что вышереченная смерть причинит прему в России. Но не долго по том усмотрели, что Петр Великий восприял на перед наипремудрые меры как для произведения в действо своих прожектов, так и для тишины Государства своих... и Россия едва чувствует что она прему получила своего Суверена, или Самодержавца» (19 февр. 1726).

Последней публикацией, в которой речь шла о Петре, был текст о недомогании Екатерины I два года спустя его смерти: «ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО от великой своей печали, которую в поминовании высокославных и вечнодостоинных памяти, Государя ИМПЕРАТОРА более шести недель имела, и от оной печали так изнемогла, что никуда не изволила выходит из спальни» (17 марта 1727) – не отказывая императрице в человеческих чувствах и переживаниях, отметим, что причиной ее болезни вероятнее всего стал невоздержанный образ жизни, нежели глубокая депрессия, запущенная годовщиной смерти мужа, однако в качестве официальной версии печаль была идеальным обоснованием недуга.

Екатерина Алексеевна как наследница Петра

Устав о наследии престола, подписанный Петром I 5 февраля 1722 г., различно оценивается историками. Не вдаваясь с обсуждение существующих точек зрения, отметим лишь крайние точки: от отмеченной В. О. Ключевским ломаной линии злополучного закона, вышедшего «из рокового сцепления династических несчастий»¹ через относительно нейтральную констатацию С. М. Соловьевым «небывалого явления»² к прорыву, по определению Е. В. Пчелова, «династической изоляции»³.

Очевидными предпосылками к принятию Устава были не только дело царевича Алексея 1718 г., заставившее Петра иначе взглянуть на воспитание наследника престола, и смерть весной 1719 г. малолетнего «шишечки» Петра Петровича. Логическим продолжением размышлений о преемнике стала коронация в мае 1724 г. Екатерины Алексеевны. Подробно новый для петровской России принцип преемственности власти был рассмотрен с точки зрения государственности и сложных внутривнутриполитических отношений Е. В. Анисимовым⁴.

Однако внимание исследователей обычно не привлекает то обстоятельство, что именно в июле 1719 г. Екатерина впервые появляется на страницах первой российской газеты «Ведомости», создателем и бдительным куратором которой был Петр. Трудно предположить, почему она не упоминалась в газете ранее, однако точно так же до этого времени ничего не сообщалось и о других членах монаршей фамилии (до этого в «Ведомостях» несколько раз фигурировал лишь царевич Алексей как адресат реляций и, единожды, его жена Шарлотта). 1 июля 1719 г. «Ведомости» сообщили, что во время празднования те-

¹ Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 4. Курс русской истории. Ч. 4. М., 1989. С. 236–238.

² Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. Кн. IX. История России с древнейших времен. Т. 17–18. М., 1993. С. 517–523, 543.

³ Пчелов Е. В. Романовы в истории российской государственности // Государственная служба. 2013. № 3(83). С. 101.

⁴ Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 433–485; *Его же*. Россия без Петра: 1725–1740. СПб., 1994. С. 13–51.

зоименства Петра при всех действиях «изволила быть Ея Величество, Всемилостивейшая наша Государоня Царица ЕКАТЕРИНА Алексеевна с прелюбезнейшими дщерми, Государонями Царевнами АННОЮ и ЕЛИСАВЕТОЮ». Последнее упоминание Екатерины в «Ведомостях» датируется 17 июля 1727 г., всего речь о ней идет в более 60 материалах¹.

Составление полной выборки упоминаний Екатерины I в заметках «Ведомостей» позволило выделить три этапа в ее представлении на уровне государственной печатной периодики:

1. В течение лета 1719 г. Екатерина обычно упоминается кратко: либо как статично присутствовавшая на каком-либо мероприятии (см. цитату выше), либо как адресат посланий Петра: «Ея Величество Государоня Царица получила ведомость из флота Его Царского Величества» (21 июля, 30 июля); <письмо Петра> «к Благородной Великой Государони Царице и Великой Княгине Екатерине Алексеевне» (10 августа, 22 августа) – отметим, что таким же адресатом с похожим эпитетом благородства был и царевич Алексей, ср.: «От Великаго Государя нашего, Его Царского Величества, ко благороднейшему Государю Царевичу» (4 сент. 1708); «В письме власныя руки Его Царского Величества, ко благороднейшему Государю Царевичю писано» (2 июля 1709), «В письме Его Царского Величества ко благороднейшему Государю Царевичю» (15 июля 1709) и др.

Единственное проявление Екатериной самостоятельности – указ митрополиту рязанскому и муромскому Стефану о вознесении молитв во имя военных успехов (21 июля 1719).

2. Начиная с конца августа 1719 г. упоминания Екатерины становятся более пространными, появляется совместное упоминание супругов: <после праздничного салюта в Петербурге> «Его Величество и Государоня Царица, по прошению его светлости Князя Меншикова, со всеми министры изволил трактир иметь у его Светлости в доме на Васильевском острове» (30 ав-

¹ Мальшев А. А. Стилистика упоминаний государевой семьи в газете «Ведомости» (1702–1727) // Дискурсология и медиакритика средств массовой информации. Белгород, 2021. С. 287–293.

густа); <во славу побед российского флота в Петербурге были торжественные службы> «при которых сам Его Царское Величество и Государоня Царица присутствовать изволили» (21 сентября) и др.

Номинация «Его Царское Величество и Государоня Царица» очень быстро сменяется на «Его Царское Величество, и ее Величество Государоня Царица», что повышало статус Екатерины, естественно стоявшей всегда после мужа, но хотя бы формально титулованной наравне с ним. С этого времени Екатерина становится верной спутницей Петра, причем сопровождала она его и во время торжественных служб, и во время салютов, и во время спусков новых кораблей (14 мая 1720), и при посещении увеселений (особенно в летнее время), и в загородных поездках, то есть внешне жила такой же жизнью, как и монарх. Именно в этом было принципиальное отличие Екатерины от дочерей Анны и Елизаветы, которые неизменно упоминались лишь в отмеченном выше статичном состоянии как часть свиты. Таким образом, уже с осени 1719 г. в «Ведомостях» Екатерина представляется как неотъемлемая часть жизни супруга.

Отметим присутствие Екатерины во время загородных поездок. Нам уже приходилось писать о том, как в «Ведомостях» представлялось состояние здоровья правящих особ: если европейские правители были расположены к различным болезням, то ни Петр, ни Екатерина никогда не обнаруживали признаков недомогания¹. Следовательно, сообщение «Его Царское Величество изволил... поехать на Олонец к Марциальным водам. А сего марта в 2 день и Государоня Царица Екатерина Алексиевна туды же путь свои восприять изволила» (12 марта 1720), безусловно связанное с необходимостью Петра посещать лечебные воды из-за ухудшившегося здоровья, было понятно всем, кто был приближен к государю, однако внешне оно похоже на обычную придворную хронику: глава государства «изво-

¹ Мальшев А. А. Властители мира в петровских «Ведомостях» (1702–1727): стилистика священного и мирского // Медиаскоп. 2021. Вып. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/2724> (дата обращения: 09.09.2022).

лил» отправиться куда-либо, а его супруга «изволит» следовать за ним. Без медицинского контекста эта заметка стилистически ничем не отличается от, например, уведомлений о поездке в Лисий Нос: «Сего Маия 3 дня, Его Царское Величество, и ее Величество Государоня Царица, высокими особами своими, изволили отсюда ходить в новосозидаемой забавной дом при море, на называемом урочище Лисьем носу, а вчерашняго числа, их Величества оттуда счастливо сюда возвратились» (11 мая 1720), и в Кроншлот (Кронштадт): «Июня 9 пред полуднем, Его Царское Величество и Ея Величество Государаня Царица со всею своею Высочайшею Фамилиею изволили поитить на яхтах и буюрах в Кроншлот» (10 июня 1720).

Обратим также внимание на развлечения, в которых принимала участие высокая чета. Типичным примером может послужить заметка от 11 мая 1720 г.: «Маиа 8 дня... после обеда, изволил Его Величество гулять по Неве реке, и по протокам оная на барже болшой... и по том изволила Ее Величество, Государоня Царица тутже прибыть на барже с знатными дамами... И при том на тех судах была изрядная музыка, трубачи, и валторнисты, и веселились тако, даже до самой ночи». Подробность описания (номинативный ряд «музыка, трубачи, и валторнисты») вкупе с темпоральностью («даже до самой ночи») вновь демонстрирует активное участие царицы в делах мужа. И хотя движущим центром, как это часто встречается в текстах «Ведомостей», является Петр (он едет в Олонец, он начинает гулять по Неве), а Екатерина присоединяется к нему, все же значительную часть времени они проводят вместе.

Неразлучность супругов особенно заметна в цикле заметок июня 1720 г.: они предпринимают поездку в Кроншлот (см. выше), затем переезжают в Ораниенбаум к Меншикову, обедают у графа Апраксина (21 июня), отправляются в Петергоф (21 июня), а в конце июня счастливо возвращаются в Петербург (25 июня). Эта хроника соответствовала опубликованным в те же годы хроникам жизни европейских королей и европеизировало образ будущего императора, делая его ближе к аудитории газеты, а вместе с ним – и его жены.

Наконец, царица принимала участие в отмечании годовщины победы под Полтавой (29 июня). После этого Екатерина на два года исчезает со страниц газеты, а завершением второго этапа упоминаний ее в «Ведомостях» стала заметка от 29 сентября 1722 г. о прибытии «их Величеств» в город Тарки во время Персидского похода 1722–1723 гг. Отметим, что аналогичная ситуация была и самим Петром: после 1722 г. и до самой смерти мы встречаем единственное упоминание императора в заметке от 9 сентября 1723 г. как адресата реляции генерал-майора М. А. Матюшкина о взятии Баку.

На этом этапе Екатерина официально утвердилась в глазах читателей (как российских, так и зарубежных) как ближайший, наряду с Меншиковым, сподвижник Петра I. В то же время даже после подписания Устава о наследовании престола светлейший вряд ли мог претендовать на что-либо большее, чем и без того частое восхваление, тогда как Екатерина, даже не будучи коронованной до 1724 г., после столь быстрого формирования облика неизменной спутницы государя (не говоря уже о сердечной привязанности к ней Петра) даже методом исключения вполне могла рассматриваться в числе возможных преемников российского престола.

3. Завершающий этап упоминаний Екатерины начинается после ее восшествия на престол и открывается заметкой от 17 марта 1725 г.: в части «Из Берлина» проводится явно «подгоночное» нумерологическое обоснование ее прихода к власти: «Видимо есть, что из Римских числ следующего положения Латинскаго 1725 году, в котором Великая Императрица ЕКАТЕРИНА АЛЕКСИЕВНА Россииский Престол прияла, число выходит.

DeI gratIa,
 PetrI IUssU,
 GentIs sentensIa,
 ProprIIs VIrtUtIbUs,
 Catharina ALæXIeVVna IMperatrIX RUssIæ,

Сиречь
Божиею Милостию,
Петра Велением,
Народным приглашением,
Собственными добродетelmi,
Екатерина Алексиевна Императрица Российская».

Публикации этого периода значительно превосходят в объеме тексты второго этапа (в сравнении с предыдущими заметками многие из них их можно обозначить с жанровой точки зрения как расширенную новостную информацию или даже информационную корреспонденцию). Для этих текстов наиболее характерно такое представление Екатерины, которое И. Ю. Кукса определяет следующим образом как типичное для «Ведомостей» в целом: «С точки зрения пространственно-временного подхода, коммуникативная позиция автора газетного текста чаще всего манифестируется как позиция “наблюдателя со стороны”. События изображаются с позиции внешней по отношению к изображаемому»¹. Действительно, действия императрицы в абсолютном большинстве случаев представляются будто через объектив кинокамеры в сопровождении закадрового текста. В то же время в них сохраняется та же тональность, которая была присуща текстам о Петре I. Не злоупотребляя вниманием читателей, приведем лишь наиболее интересные и показательные примеры упоминаний Екатерины.

23 октября 1725 г. в «Ведомостях» публикуется отчетливо программный материал: «Ея Императорское Величество матернее имеет попечение к своим подданным, а наипаче в тех делах, кои начаты при Его Величестве Высокославныя памяти Государе Императоре, да бы их всемерно в действие произвести, а наипаче о науках молодых шляхтичей... немалоеже имеет попечение о воинских делах... и часто изволит сама при Екзерцициях присутствовать. Между темиж полезными государству и подданным своими делами, не оставила в Питергофе, яко

¹ Кукса И. Ю. Коммуникативная специфика первой отечественной печатной газеты «Ведомости Петра Великого» // Научный диалог. 2019. № 8. С. 143.

в любимом место Высококлавныя памяти Государя Императора на память Его Величество славных дел некоторые дома доделывать и игровыми водами, и протчими украшениями украшать» – отметим тональность текста, практически совпадающую с тональностью упоминаний в «Ведомостях» самого Петра (особенно «матернее попечение»). Перечисление действий императрицы (попечение к подданным, забота о науках и воинских делах, личное присутствие при различных событиях, украшение Петергофа) призвано продемонстрировать разносторонность ее интересов показать, что смерть Петра не прервала его заботы о развитии и процветании России, а акцентирование внимания на почтении к памяти Петра лишь усиливает общее впечатление: Екатерина оказывается фактически alter ego покойного мужа¹ (о следовании принципам Петра

¹ Ср. у Феофана Прокоповича в «Слове на погребение всепресветлейшаго державнейшаго Петра Великаго»: «...державное его наследие видим, прямого по нем помощника в жизни его и подобонавного владельца по смерти его, тебе, милостивейшая и самодержавнейшая государыня наша, великая героиня, и монархиня, и мать всероссийская! Мир весь свидетель есть, что женская плоть не мешает тебе быть подобной Петру Великому. ... не просто сожителем толикаго монарха, но и сообществом мудрости, и трудов, и разноличных бедствий его, в которых чрез многая лета, аки злаго в горниле искушенную, за малое судил он иметь ложа своего сообщницу, но и короны, и державы, и престола своего наследницу сотворил. Как нам не надеяться, что зделанная от него утвердиш, недоделанная совершиш и все в добром состоянии удержиш! ... несумненным познанием петрова духа в монархине вашей видящее, яко не весь Петр отшел от нас» (*Феофан Прокопович*. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 128–129), и в «Слове на похвалу блаженныя и вечностойныя памяти Петра Великаго»: «Требует сего от тебе Петр, да не ослабелю рукою держиши скипетр его, и как содеянное им утвердить, так и подобная делать возможеши» (Там же. С. 146).

Также см. у Гавриила Бужинского в 1726 г.: «Петр Великий жив есть, мертв телом, но жив верою, мертв плотию, но жив добродетельми; зде лежит во гробе, а на небеси со Христом царствует; царствует же и зде в тебе, Россие, царствует в правильнойшей венца и скипетра своего наследнице, всех добродетелей, всех действий подражательнице, всяя премудрости, благоразумия, мужества, кротости и прочих всех добродетелей преемнице, благочестивейшей великой государыне Екатерине Алексиевне» (*Гавриил Бужинский*. Слово в день годищнаго помяновения во блаженной памяти преставльшагося благочестивейшаго Государя Петра Великаго, Отца

и выполнении ею его действий как естественной обязанности подробно см. у Е. В. Анисимова¹).

Перекликаются с этим текстом и заметка от 12 ноября 1725 г.: «Ея Императорское Величество на плац парате, изволила смотреть полк Ингермоландской... которой предводил сам Генерал Фелдмаршал Его Светлость князь Меншиков», и сообщение от 9 июня 1726 г. о присутствии императрицы при испытаниях нового типа снарядов, на закладке новых каменных палат и на строительстве новых галер, и сообщения от 31 августа 1726 г. о поездке в Кроншлот и Петергоф для осмотра флота и другие подобные тексты².

Крайне интересной оказывается заметка от 3 января 1726 г. о происшествии с семеновским гвардейцем капитан-поручиком Петром Чичериним, который стоял на посту и «поспешил ко фронту для отдания чести Ея Высочеству Государыне Цесаревне Елисавете Петровне. И еще не приближася к своему месту, где стоял ево протазан, которой воткнул был в доску, то оной ево протазан внезапно повалился, а он под то время набежал, и так на него жестоко накололся, что оной протазан до половины ниже ребр в правои бок ему ушел, и зделал великую рану, от которой не чаяли ему живу быть. И тот час донесено о сем было Ея Императорскому Величеству, и Ея Величество сожалея о сем офицере, тогож момента изволила встав из за кушания Сама вытти к тому раненому, и указала ево отнестъ в особливую палату. И при Ея Величестве Архиатер Медицинской, также Леиб медикус и лекари придворныя призваны, и указала онаго раненаго при себе перевязать, и пока все потреб-

Отечества, Императора и Самодержца Всероссийскаго // Петр I в русской литературе XVIII века. Тексты и комментарии. СПб., 2006. С. 122).

¹ Анисимов Е. В. Россия без Петра: 1725–1740. СПб., 1994. С. 57–62.

² В уже упомянутой «рефлексии» из Утрехта (19 февраля 1726 г.) также была высказана вполне ожидаемая мысль: «Государыня нитайных Его <Петра> мыслии соблюдательница, вступила на Престол без всякаго прекословия, по силе последних диспозиции сего Монарха, и на оном себя утвердила, чрез теж достоинства, которые Ея удостоили Августейшему Ея Супругу. Все смутные облака разошлись, узря Государыню искусную и благогоразумную... и Россия едва чувствует что она премену получила своего Суверена, или Самодержавца».

ное к такому жестокой ране исправили, во все то время сама Ея Величество изволила присутствовать. И по том изволила в свои апартаменты возвратится, а оным докторам и лекарям указала ево на всякой день по дважды, и по трижды надзирать, и лекарствами пользоваться, и Ея императорское Величество своею Высокою особою едва не по вся дни изволила ево Сама надзирать. И тако тот офицер милостию Господнею чрез особенное милостивое призрение Ея Величества, живот свои спас, и чрез 4 недели в прежнее состояние своего здоровья пришел» – помимо совершенно невероятного объема и подробности описания перед нами очень выпуклый образ близкой к подданным государыни, которая не только изволила прервать трапезу, но и лично следила за выздоровлением получившего страшную рану от излишнего рвения поручика. Думается, однако, что Петр Великий в силу характера и образа жизни вряд ли стал бы героем подобного текста.

Траур по ушедшему из жизни Петру лишь фрагментарно присутствовал на страницах «Ведомостей», скупо и сухо сообщавших о выражении скорби представителями разных стран. Однако мы можем проследить, как менялась со временем одежда императрицы. Так, в сообщении от 30 ноября 1725 г. сказано, что на литургии в день тезоименитства она была «во обыкновенном траурном одеянии», в заметке от 3 декабря 1725 г. о литургии в день св. Андрея Первозванного – «в белом одеянии», в материале от 5 января 1726 г. о рождественской службе – «в одеянии полутраурном», а в заметке от 9 февраля 1726 г. о праздновании тезоименитства Анны Петровны – «в белом одеянии кроме карет которые были со обыкновенным черным обитием» (впрочем, в новости от 3 декабря 1726 г. сказано, что она была «изволила быть в пребогатом Амазонском уборе»).

Тема памяти и неутолимой печали проявляется и в вышедшей незадолго до кончины Екатерины заметке от 17 марта 1727 г., в которой сказано, что «ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО от великой своей печали, которую в поминовении высокославныя и вечнодостоинныя памяти, Государя ИМПЕРАТОРА более шести недель имела, и от оной печали так

изнемогла, что никуда не изволила выходит из спальни» – до этого времени в материалах «Ведомостей», как было отмечено ранее, мы не встретим даже намека на недомогание Петра или Екатерины. Очевидно, что нездоровье императрицы (конечно же, не лишенной простых человеческих чувств) было связано в первую очередь с пристрастием к балам и застольям и невоздержанностью в еде и винопитии, однако официальной причиной болезни они быть не могли, поэтому перед нами явное эксплуатирование памяти Петра – политические технологии XVIII в. вновь обнаруживают сходство с современностью.

Завершением «императорского» этапа упоминаний Екатерины I в материалах «Ведомостей» стали напечатанное 7 апреля 1727 г. описание ее дня рождения и опубликованная 17 июля 1727 г. выдержка из письма к Меншикову австрийского императора, выражавшего печаль «о временном отшествии блаженной всероссийской Самодержицы Екатерины Алексиевны, моеи во время жизни бывшей дружболоубезной сестры» – как и в случае с Петром Великим, «Ведомости» ни словом не обмолвились о кончине монархини. Впрочем, в том же выпуске от 17 июля был напечатан и большой славословный материал в адрес Петра II, а еще одна выдержка из письма австрийского императора содержала радость от «восприятия последней диспозиции Российскаго Престола, моего любезнаго племянника, и родственника, ныне государствующаго».

Таким образом, наблюдения за представлением Екатерины I в текстах «Ведомостей» позволяют проследить, как менялось ее присутствие в единственном российском периодическом издании того времени: от простого упоминания в ряду членов государевой семьи к очень быстрому упрочению статуса спутницы, а затем и несомненной преемницы Петра I на российском престоле и продолжательницы всех его начинаний. Газетные тексты по вполне понятным внутривполитическим причинам доказывают, что это был не просто лучший выбор, но что иного выбора быть попросту не могло. Идея преемственности при этом реализуется как на содержательно-идеологическом уровне, так и с точки зрения общей тональности сооб-

щений о действиях императрицы, тождественной тональности сообщениям о действиях ее покойного супруга.

Царская семья

Преобразовательская деятельность Петра I, технически и содержательно реформировавшего информационное пространство России, была связана в том числе с ознакомлением аудитории о российской придворной жизни. Помимо самого Петра Великого, его ближайших сподвижников (А. Д. Меншикова и других «птенцов гнезда Петрова»), а также множества лиц, упомянутых в реляциях и новостных материалах в числе участников торжеств и церемоний, лиц как знатных и сановитых, так и рядовых свидетелей событий того времени, особое место занимают члены монаршей семьи, упоминания которых варьируется количественно и качественно и о которых российская аудитория могла знать достаточно много, тогда как читатели-иностранцы зачастую не знали практически ничего.

При рассмотрении материалов, посвященных родственникам Петра I, нами приводятся как наиболее типичные, так и наиболее интересные цитаты.

1) Алексей Петрович (сын, 1690–1718) – 5 упоминаний с 24 мая 1708 по 4 декабря 1712 гг.

Наследник престола выступает исключительно в роли адресата посланий своего отца о важных событиях (в первую очередь, о Полтавской битве), обращения к нему исключительно официальные: «От Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества, ко благороднейшему Государю Царевичу» (4 сент. 1708). Подобная формульность, с одной стороны, свидетельствует о том, что царевичу публично указывают на то, что ему суждено стать преемником отцовских начинаний и хранителем славных свершений, с другой же стороны, она может демонстрировать и сомнения Петра в перспективах Алексея стать достойным продолжателем его дел (официальность, граничащая с холодностью).

2) Шарлотта Кристина София Брауншвейг-Вольфенбюттельская (сноха, 1694–1715) – 2 упоминания.

В заметке от 4 декабря 1712 г. сообщается, что Шарлотта отправляется в Россию, но неизвестно, будет ли батальон российской пехоты «Государя Царевича супругу провожать» или же останется ожидать Петра I – в данном случае перед нами явно пренебрежительное отношение Петра к супруге сына, проявившееся практически сразу после свадьбы, когда он фактически разлучил новобрачных, приказав царевичу заняться снабжением войск в Померании.

3) Наталия Алексеевна (внучка, 1714–1728) – 2 упоминания в 1727 г.

Первое упоминание связано с перечислением присутствующих на дне рождения Екатерины I, в числе которых была и «Великая Княжна» (7 апр. 1727), тогда как второе заслуживает внимания, поскольку связано с оповещением о дне рождения самой «Ея Императорскаго Высочества великия Княжны Наталии Алексиевны» (17 июля 1727) – 14-летие внучки Петра, долгое время бывшей на периферии венценосной семьи, оказывается таким образом в одном ряду с днями рождения первых лиц государства.

4) Петр Алексеевич (внук, 1715–1730) – 5 упоминаний с 15 октября 1719 по 17 июля 1727 гг.¹

«Петровский след» сопровождал российских монархов на протяжении всего XVIII в.: как Екатерина I мыслилась преемницей предприятий покойного мужа по установлению величия России, Елизавета Петровна – носителем отцовской крови, а Екатерина II обозначила свою преемственность лаконичной надписью на Медном всаднике, так и наследник Петра по мужской линии должен был выступать в этой роли. Судьба Петра II в этом отношении была весьма незавидной: фактически брошенный на произвол судьбы отцом, он долгое время не привлекал внимание и деда².

¹ Мальшев А. А. Преемственность монархических поколений в петровских «Ведомостях»: стилистика и контекст // Поколение как сюжет. Тверь, 2022. С. 186–195.

² Мальшев А. А. Стилистика упоминаний государевой семьи в газете «Ведомости» (1702–1727) // Дискурсология и медиакритика средств массовой информации. Белгород, 2021. С. 287–293.

Первое упоминание будущего императора связано с празднованием «Торжества рождения Великаго Князя Петра Алексеевича, которому исполнилось от рождения его 4 года» (15 окт. 1719) – непросто предположить, чем четырехлетие великого князя отличалось от трех- или пятилетия; возможно, это было связано с желанием показать год спустя смерти Алексея Петровича, что «сын за отца не отвечает» и Петр внимательно следит за жизнью внука, оставшегося после смерти весной 1719 г. «шишечки» Петра Петровича единственным наследником престола по мужской линии.

Затем, однако, наследник на протяжении нескольких лет в «Ведомостях» не упоминается, вновь появляясь на страницах газеты лишь на рубеже 1726–1727 гг. в числе участников различных праздников.

Наиболее интересно упоминание уже действующего 12-летнего императора Петра II: «Его Императорское Величество, Наш Всемилоостивейшии Государь изволит, не токмо по несколку часов на день, ко всем такому Великому Монарху, пристойным наукам употреблять, но еще и всемилоостивейшее намерение восприял, повся недели дважды в Верховном Государственном совете персонально присутствовать. Начало которое Его Величество к тому сего дни учинил, не токмо присутствующих во удивление привело, но и всему городу великую радость причинило. Ибо Его Императорское Величество, не токмо Всемилоостивейше указал, некоторые подати и налоги, которые не без тягости до сего времени с подданных збираны, весьма отставить. Но и сего младаго Монарха природное великодушие так далеко произошло, что публично в Верховном Совете объявил, како владеющий Государь наипаче старатися имеет, своих подданных сколько ему возможно счастливыми и довольными учинить, понеже в их благоповедении Его собственное истинное счастье состоит. И тако каждый верный подданныи имеет Бога молить, да бы оныи Нашего Всемилоостивейшаго Самодержца, Егоже превысокому разуму и добродетелям, мы ежедневно удивлятися новую причину имеем, ко исполнению всенародной надежды в Европе, и к вящему приращению

Российского Государства, даже до престарелых лет счастлива и победоносна содержать благоволил <далее следует перечисление указов>» (17 июля 1727) – здесь, помимо традиционного пышного славословия (четырежды повторенный суперлатив «всемилодивейший», присущие дискурсу любого правителя «великодушие», «разум» и «добродетели» вкупе с народными «благоповедением», «радостью», «счастьем», «довольством» и «надеждой»), обозначены и действия «младаго Монарха» (точно так же «Ведомости» писали о молодом Людовике XV), обучающегося наукам и облегчающего жизнь подданных. Отмена недоимок и возвращение свободы сосланным на каторгу за неплату налогов были, как известно, инициативой стремящегося к полной власти А. Д. Меншикова, преподнесенной от имени юного императора с целью расположить подданных к новому правителю. Впрочем, уже через год стало очевидным, что на самом деле Петр II склонен проводить время в развлечениях, а не в неустанных заботах о «вящем приращении Российского Государства»; сами же «Ведомости», опубликовавшие столь пространное превознесение нового государя, вскоре после опубликования этой заметки фактически прекратили существование, с 1728 г. перейдя в ведомство Академии наук.

5) Анна Петровна (дочь, 1708–1728) – 8 упоминаний с 1 июля 1719 по 7 апреля 1727 гг.

6) Елизавета Петровна (дочь, 1709–1761) – более 20 упоминаний с 1 июля 1719 по 7 апреля 1727 гг.

Упоминания обеих «прелюбезнейших дочерей» (1 июля 1719) могут быть прокомментированы практически одинаково: они сопровождают царицу Екатерину Алексеевну в поездках, на литургиях, присутствуют на днях рождения и т.п., то есть подобно спутникам входят в орбиту своей матери, но этим их функции и ограничиваются; различие состоит лишь в большем количестве упоминаний Елизаветы, что могло быть признаком ее особого положения. Принимая во внимание легенду о том, что Петр намеревался передать престол Анне, отметим, что «Ведомости» сообщают в марте 1725 г. о том, что ее брак отложен из-за траура о скончавшемся императоре, а 9 февраля

1726 г. сказано, что «Ея Высочество Государыня Цесаревна и Герцогиня Голштейнготторпская Анна Петровна была в полутраурном одеянии» – о Елизавете в таком ключе «Ведомости» не писали.

7) Прасковья Федоровна (невестка, 1664–1723) – 1 упоминание.

8) Анна Иоанновна (племянница, 1693–1740) – 2 упоминания.

Упоминания Прасковьи Федоровны, общество которой Петр I очень любил, и Анны Иоанновны, к которой он относился, судя по ее биографии, достаточно равнодушно, обнаруживают сходство с упоминаниями дочерей Петра: «В 30 день Июня, Царица Параскевия Федоровна отсюда путь восприять изволила к новообретенным Марциальным Олонецким водам» (1 июля 1719), а «Государыня Царевна вдовствующая Герцогиня Курляндская» получила орден святой великомученицы Екатерины (11 янв. 1726) и «восприяла свои путь отсюда паки до Курляндии» (18 марта 1726) –

9) Екатерина Иоанновна (племянница, 1691–1733) – 4 упоминания с 30 ноября 1725 по 7 апреля 1727 гг.

10) Прасковья Иоанновна (племянница, 1694–1731) – 1 упоминание.

Сестры будущей императрицы Анны Иоанновны упоминаются вскользь: так, «Государыня Царевна и Герцогиня Мекленбургская» получила орден св. влкм. Екатерины (11 янв. 1726), а «Государыня Царевна Параскева Иоанновна» была в числе присутствующих на дне рождения Екатерины I (7 апреля 1727).

Таким образом, упоминание членов царской семьи в петровских «Ведомостях» было различным: если Екатерина I получила, выражаясь по-современному, значительное количество пиара с использованием генетически схожих с современными политических технологий, а для Петра II манипулятивный потенциал официальной прессы был использован лишь частично, то часть других родственников Петра I лишь спорадически мелькала на страницах первой российской газеты, их упоминания могут показаться случайными – по крайней мере,

без погружения в исторический контекст. В то же время даже единственное упоминание демонстрировало, что этот человек, вне зависимости от его исторической значимости, находится в поле зрения редакции газеты (то есть и самого государя), по какой-либо причине решившей посвятить ему определенное количество газетного пространства, ведь даже малолетний наследник Петр Петрович, в честь которого произносились похвальные слова и которому посвящались книги¹, ни разу не встретился нам в материалах «Ведомостей». Читатель же посредством подобных упоминаний не только испытывал в ряде случаев вполне направленное воздействие, формирующее вполне определенное отношение к упоминаемым лицам, но и получал возможность заглянуть в мир придворной жизни.

«Легенда о Петре», анализу составных частей которой преимущественно на материале периодики XIX в. посвящены дальнейшие части этой монографии, берет начало при жизни Петра: творимая им, она во многом складывалась «из того, что было», и «Ведомости», наряду с другими инструментами воздействия на аудиторию, активно участвовали в создании этой легенды.

Однозначно оценить влияние первой отечественной газеты на умонастроение современников непросто – как из-за новизны подобного предприятия и невозможности определить реальное количество читателей, так и из-за неравномерности выхода номеров, различного их объема, разности тиражей и т.п. В то же время, как пишет Г. В. Жирков, «Ведомости» на четверть века становятся «основным информационным центром обеспечения внешней и внутренней политики государства»². Как отмечает О. С. Кругликова, именно «источниковый вакуум»³, вкупе с отсутствием теоретической разработанности вопроса, до середины XIX в. мешал публицистам выйти за пределы

¹ Щепкин Е. Н. Петр Петрович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1898. Т. XXIIIа. С. 497–498.

² Жирков Г. В. Эпоха Петра Великого: основание русской журналистики. СПб., 2003. С. 151.

³ См. параграф 1.8 данной монографии.

субъективного отношения в трактовке образа Петра. Надежная теоретическая база за прошедшие полтора века создана, тогда как «вакуум» в отношении начального этапа российской журналистики отчасти сохраняется до сих пор. Обращение к материалам «Ведомостей» позволяет проследить формирование образа Петра, мифологизация которого – прижизненная¹ и посмертная², в XVIII в. в целом³ и во второй половине века⁴, в частности у М. В. Ломоносова⁵, А. П. Сумарокова⁶, Г. Р. Державина⁷ – обыкновенно рассматривается в мемуарных, литературных и публицистических (ораторских, проповеднических) произведениях, в официальных, деловых и частных документах⁸, но редко – в газетных текстах XVIII в., особенно первой его трети.

Рассмотрение представления Петра Великого на страницах созданной им газеты показывает, что образ этот многогранен, но монолитен и содержательно не противоречив: со страниц «Ведомостей» на читателей смотрит бесстрашный полководец,

¹ Трофимов А. Е. Композиционные особенности прозаических панегириков в честь Полтавской победы (на материале творчества Стефана Яворского и Феофана Прокоповича) // Летняя школа по русской литературе. 2020. Т. 16. № 3–4. С. 223–238.

² Петр I в русской литературе XVIII века. Тексты и комментарии. СПб., 2006.

³ Стенник Ю. В. Петр I в русской литературе XVIII века // Петр I в русской литературе XVIII века. Тексты и комментарии. СПб., 2006. С. 3–50.

⁴ Абрамзон Т. Е. Поэтические мифологии XVIII века. Ломоносов. Сумароков. Херасков. Державин. Магнитогорск, 2006.

⁵ Абрамзон Т. Е. Миф о Петре I в поэзии М. В. Ломоносова: историческое и мифологическое в образе царя-реформатора // Проблемы истории, филологии, культуры. 2006. № 16-2. С. 232–240.

⁶ Абрамзон Т. Е. Одические амплуа Петра Великого в мифологии власти А. П. Сумарокова // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. СПб., 2007. С. 122–132.

⁷ Абрамзон Т. Е. Память образа и образ памяти о Петре Великом в поэзии Г. Р. Державина // VIII Ручьевские чтения. Изменяющаяся Россия в литературном дискурсе: исторический, теоретический и методологический аспекты. М., 2007. С. 5–10.

⁸ В первую очередь в многотомных «Полном собрании законов Российской империи» и «Письмах и бумагах императора Петра Великого».

создатель российского флота, милостивый победитель, дерзкий реформатор, неутомимый труженик, полный жизненных сил государственный муж, любящий семьянин и мудрый правитель, каждый день своей жизни отдающий заботам о процветании отечества, чья жизнь становится все более близкой к аудитории и чья смерть вызывает уникальный отклик в Европе.

1.2. «Вестник Европы» Н. М. Карамзина и «Русский вестник» С. Ф. Глинки о Петре Великом – созвучия и диссонансы

Периодические издания Н. М. Карамзина и С. Н. Глинки были знаменательными явлениями в русской журналистике начала XIX в. Их названия – «Вестник Европы» и «Русский вестник» – одновременно и созвучны, и противопоставлены друг другу. Бросающаяся в глаза противонаправленность ориентации на европейское и приоритета национального, заявленных в названиях журналов, заставляет нас предположить, что и содержательно издания находились в оппозиции друг другу. Между тем и Карамзин, и Глинка в политическом спектре России «дней Александровых прекрасного начала» представляют нарождавшееся и формировавшееся именно в этот период течение русского консерватизма.

Оба журнала обладали большой популярностью. М. П. Погодин полагал, что «Вестник Европы» «остался навсегда образцовым русским журналом, с которым не сравнялся после ни один... он прочитывался с жадностью, от первой страницы до последней»¹. Согласно воспоминаниям Н. И. Греча, читатели с нетерпением ожидали «красненьких книжечек через каждые две недели» и «с восторгом читали, учили их наизусть»². Сходные характеристики популярности и влияния давали современники и журналу Глинки: так, П. А. Вяземский отметил,

¹ Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух. М., 2011. С. 756–757.

² Греч Н. И. Записки о моей жизни. СПб., 1886. С. 203.